

Образцов

1985

Сергей Образцов, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР

# КУКЛЕ 37 ЛЕТ НЕ БЫВАЕТ

Что может и что должен делать театр кукол и чего он не может и делать не должен

Сперва несколько ремарок авторов драматического театра.

Горький. «На дне». Первое действие. Ремарка. (Привожу ее в несколько сокращенном виде, потому что она очень большая).

«Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелый, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет от зрителя и сверху вниз — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. ...Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня хозяйничает. Барон жует черный хлеб, и Настя, на табурете, читает, облокотившись на стол, растрепанную книжку...»

Значит, все описанные Горьким в этой пьесе события он прежде всего видел. И не вообще видел, а в пространстве сцены, не в абстрактном, а в конкретном, определенном — пол, потолок, стены. Мало этого. Видел каждого человека, находящегося на этой сцене, и что он в данную минуту делает. Режиссер может изменить планировку и занятия действующих лиц, но он знает, что все, буквально все, описанное автором, вполне осуществимо.

Вы меня можете поймать. А как же видел автор на сцене вот такое?

Чехов. «Вишневый сад».

Ремарка перед вторым действием.

«Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовня, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могилами плитками, и старая скамья. Виден дорожка в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополя; там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город...»

Мог ли Чехов все это представить изображенным в замкнутом пространстве сценической коробки? Могу. И представлял. Потому что к концу девятнадцатого и началу двадцатого века были предельно разработаны натуралистически-иллюзорные приемы сценического оформления. Писанные задники, двойные, тройные, тюлевые кулисы и падуго с аппликациями на них стволов, ветвей, листьев. Нет, все, описанное им, он с полным правом мог представить изображенным на сцене.

Если автор пьесы в период работы над ней не видит будущего спектакля на сцене, написать пьесу он не может.

Если кинодраматург, работая над сценарием, не видит будущего фильма на экране, написать сценарий он не может.

Совершенно то же самое относится и к законам авторства и режиссуры других видов зрелищного искусства, в том числе и кукольного театра.

Если автор кукольной пьесы в процессе ее написания не видит им написанное изображенным на кукольной сцене, он не автор.

И прежде всего он должен видеть своего героя не живым, «настоящим» человеком, а куклой, этого человека изображающей. Это ведь абсолютно разные видения.

Да и пространство, в котором будут жить его герои, он должен представлять себе не «натуральным», а изображенным. Только в этом случае пьеса будет обладать видовой характеристикой зрелища, и режиссер, взявший ее, будет понимать, почему она предназначена театру кукол, а не драматическому театру или мультипликационному.

Вот у меня в руках пьеса, которая называется «Сказ о Кузьме-Демьяне». На ее титульном листе не написано, какому виду театра она адресована, но распределена она была по кукольным театрам страны, почему и попала в мои руки.

Пьеса эта, как написано: «Посвящается 40-летию Победы советского народа в Великой

Отечественной войне». Вероятно, потому, что сказочный сюжет кончается тем, что русские крестьяне побеждают многоголового «заморского» Змея и заставляют его пахать им землю, превращая, так сказать, «врага» в «раба».

Сюжет, с моей точки зрения, надуманный, сумбурный, с большим количеством псевдославянских ходов и речений, но сейчас я хочу говорить не о слабости драматургии, а о том, что автор, а значит, и редактор, абсолютно не «видели» написанного в изобразительных возможностях театра, и тем более театра кукол.

Ну, как могли себе представить автор и редактор следующую авторскую ремарку? «Раскинулась кузница на двенадцать верст о двенадцати дверей». Как я, режиссер, при всем моем полувековом опыте, изображу на кукольной сцене кузницу на двенадцать верст?

«Грядка» кукольной ширмы (так называется верхний ее край) редко бывает больше 4 метров. Вот и «раскиньте» на ней кузницу «на 12 верст о двенадцати дверей». Или, может, она на горизонте? Так тогда почему это кузница, а не коровник?

Дальше без всякого предупреждения начинают в этой кузнице два кузнеца ковать. Что бы вы думали? Маленькое обручальное колечко. Так, во-первых, «колечки» кузнецы в кузнице не коуют, во-вторых, какого размера будет это колечко в кукольном театре (да еще сказано, что оно маленькое) — 2 миллиметра? Кто его рассмотрит с десятого ряда?

Ничего не видел автор изображенным. Ничего. «Художественная фантазия».

Другой пример. «Победители».

«Пьеса-сказка в двух действиях для театра кукол (для детей младшего школьного возраста)».

И вот ее первая ремарка: «Речитативом звучит песня, во время которой появляются железнодорожная насыпь и пригорок, с которого (заметьте, не из зала, а с пригорка) хорошо видна раскинувшаяся среди полей деревня».

Что это за ремарка — для театра кукол или киносказания? А дальше эпизод, в котором автор видел людей, а не кукол.

Павлик. Скорей, Любушка, скорей!

Любушка. Едут?

Павлик. Едут. Видишь дымок?... Вот там...

Любушка. Дедушка! Эшелон!..

(Появляется дедушка.)

Дедушка (запыхавшись). Здесь я, ребятки,

здесь...

(Мимо с грохотом проносится эшелон — едут на фронт солдаты).

Меня просто злоба берет от такой ремарки и такого эпизода. Это же только на экране можно показать, в документальной съемке. А в кукольном театре? Игрушечный поезд, набитый куклами, натуралистически изображающими героев Отечественной войны? Это же кошунство или поразительное авторское невидение. Вернее — видение природы, а не ее изображение.

Другая сцена той же пьесы.

«Пепелище. Дымится остаток дома. Появляется Павлик, падает на колени, вдруг бросается к дымящимся остаткам дома. Подоспевшие Дедушка и Любушка удерживают его.

Дедушка. Куда?

Павлик. Там мама!.. Была...

Любушка (своими слезами). Поплачь, Паша. Может, легче станет...

Дедушка. Поплачь... Да только слезами горю не поможешь».

Оставим на совести автора штампованные фразы. Как может десятилетняя девочка сказать мальчику, у которого в доме сгорела мать: «Поплачь, Паша, может, легче станет». А дедушка еще более штампованно подтверждает: «Слезами горю не поможешь».

Но ведь вне зависимости от дурной литера-

туры это еще и вовсе не кукольная драматургия. Не кукол видел автор в этой сцене, а настоящего мальчика и настоящую девочку. Кукла «настоящим» мальчиком быть не может. Она изображение, а не имитация.

Если всю эту сцену сыграть в кино, она может получиться и трогательной, и страшной, и правильной. Там все выйдет. А на сцене кукольного театра?

Маленькая, натуралистически симитированная, сгоревшая изба. Сзади для полного «правдоподобия» кто-то будет папиросным дымом дымить. Кукла, как бы она ни была сделана — на нитках, на тростях, на трех пальцах руки, — все равно будет только дискредитировать и трагичность ситуации, и мальчика. Не видел автор в этом эпизоде кукол. Видел настоящих людей.

В Лондоне в музее восковых фигур «мадам Тюссо» есть имитации всяких знаменитых личностей в натуральную величину. Кто хотите. И умершие, и живые. Какой был бы ужас, если бы эти симитированные «документальные» люди зашевелились! Можно просто умереть от испуга или хохота. «Ожившие», они бы дискредитировали каждого из изображенных.

Вот так же и кукла, имитирующая настоящего человека, неизбежно его дискредитирует.

Театральная кукла — не муляж, а образ. Синтезированный образ. Она всеильна, когда обобщена, типизированна. И бессильна, если она имитация. Кукольный театр — это не просто уменьшенный в размере драматический кукольный театр, это вид искусства и, как каждый из его видов, ограничен в применении своей силы. Как балет, как опера.

И в театре, и в кино можно создать образ знаменитого командарма. «Станцевать» командарма в балете нельзя, не дискредитировав его.

Что же, значит, в балете нельзя показать героя, борца за свободу? Можно. Если это обобщенный образ, включающий тем самым в себя и образ командарма.

Кукольный театр, как сказка, как басня, иносказателен по существу своему. Сама кукла иносказательна, раз она не человек. Иносказание — это искусство огромной силы.

Поразительна живучесть правды, рожденной иносказаниями басен. Метафорой басни.

Подумайте только: басня «Лисица и виноград», рожденная Эзопом, стала современной и для французских в изложении Лафонтена, и для русских, изложенная Крыловым. Да, она современна и нашему времени. Даже злободневна.

Салтыков-Щедрин написал Иудушку Головлева. Но зачем-то ему понадобилось написать и город Глухов. Пушкин, создавший абсолютно правдоподобного Онегина, зачем-то написал совершенно неправдоподобные и абсолютно прекрасные сказки. Да и Гоголю зачем-то понадобилось написать «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Горький создал и «Клима Самгина», и «На дне», и «Мои университеты», но ведь он же написал «Песню о Соколе» и «Буревестника».

В мои юные годы «Буревестник» был в полном смысле слова знаменем революции. Невозможно переоценить социальную значимость этих метафорических произведений Горького.

Еще ближе к нам Маяковский — он весь иносказателен, весь метафоричен. Проверьте: «Мистерия-буфф», «Клоп», «Баня», «Прозаседавшиеся», разговор с Солнцем, разговор с Лошадью. А ведь Маяковский один из самых современных своему времени поэтов.

Значит, метафора нужна. Потому что она владеет двумя полюсами в искусстве. Полюсом сатиры и полюсом романтической героики, а это очень важные полюсы. Человек должен смеяться и должен мечтать, иначе, как он может жить.

Кукольный театр иносказателен. Наши родственники в классической литературе не Чехов и не Островский. Наши родственники — народные сказки, басни, Гоцци, Перро, Гоголь, Маяковский, Евгений Шварц, Чуковский. Так дайте же прекрасному виду зрелища, театру кукол, заниматься своим делом.

Не надо стремиться к тому, чтобы кукольные театры превращались в игрушечные драматические театрики бытового правдоподобия. Они погибнут. Мы знаем тому примеры.

В Ленинграде в свое время был поставлен куклами на нитках спектакль «Граница». Так вот, пока диверсанты-фашисты дергались своей собственной этим куклам синкопической походкой, это было еще туда-сюда. Они фашисты, пусть дергаются. Но когда той же походкой за ними погнались наши пограничники, это было уже совсем дурно. И уже совсем не патристично.

Один из студентов лаборатории режиссеров и художников кукольных театров, которой я руковожу, сказал мне, что в следующем сезоне он поставит кукольный спектакль из школьной жизни с положительным героем.

Во-первых, я глубоко убежден, что положителен должен быть прежде всего автор. Во-вторых, во всей бытовой литературе девятнадцатого и двадцатого веков я с трудом нахожу полностью положительных героев, если они, как Александр Невский, не доведены до символа.

А главное, драматический или кинотеатр равнять с кукольным театром нельзя.

Нельзя положительной учительнице всерьез станцевать урок математики в паде с первым учеником.

Нельзя посадить за парты маленькие муляжи — детей и читать им лекцию о нравственности. Нельзя «имитировать» куклами советскую школу. Иносказательно изобразить можно. Мы играли болгарскую пьесу «Заячья школа», и там решались все проблемы современной школы, и учительница-зайчиха была вполне положительная.

Нет такой темы, которая не могла бы быть решена в театре кукол. Любая ему под силу. Героическая, романтическая, патристическая, сатирическая, любовная — любая тема, да не любой сюжет и не любой характер персонажа.

Мы можем показать любящую женщину, если это горьковская «Девушка и Смерть» или Анжела К. Гоцци, или Елена Прекрасная, но Наташу Ростову или Аксию из «Тихого Дона» мы показать не можем и не имеем права пытаться.

Мы можем показать носовских Знайку и Незнайку или гайдаровского «Мальчиша-Кибальчиша», но играть катаевский «Беллет парус одинокий» мы не можем и не имеем права.

И самое главное: товарищи авторы, когда будете писать пьесы для кукольного театра, а редакторы, когда будете их редактировать, пусть перед вашими глазами будут не люди, а куклы, их изображающие, и не пейзажи, а сцена театра кукол.

И если вы, завлиты театров, получите пьесу, в которой есть ремарка «герою — 37 лет», не читайте этой пьесы. Она не для кукол. Кукле тридцать семь лет не бывает.

Соб. сценарий 1982, 28 февраля